

VI Международная Богословская конференция
Русской Православной Церкви

Жизнь во Христе: христианская нравственность,
аскетическое предание Церкви и вызовы современной эпохи

Священник Хулиан Каррон

"СЛАВА БОЖИЯ ЕСТЬ ЧЕЛОВЕК ЖИВУЩИЙ": ХРИСТИАНСТВО ПЕРЕД ЛИЦОМ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ

С великой радостью, трепетом и глубокой благодарностью я принял приглашение участвовать в этой конференции. Я буду говорить о насущных проблемах, которые ставит перед христианским опытом современное общество, и я уверен, что, по большому счету, эти проблемы являются общими для Востока и для Запада. Но прежде всего я хотел бы сказать о том, с каким почтением, любовью и вниманием относился к великой традиции Православной Церкви с самых лет обучения в семинарии отец Луиджи Джуссани (священник, основатель церковного движения «Общение и освобождение», 1922–2005); он передал нам все это вместе с осознанием того, какое неизмеримое основополагающее значение может иметь для нас постоянный братский диалог с культурным и религиозным опытом России. Отец Джуссани не учил нас формальному экуменизму – этико-сентиментальному или политико-стратегическому. Он передал нам искреннее желание пройти путь, который, в верности собственной традиции и не закрывая глаза на болезненные, всё ещё открытые раны, поможет нам узнать, пережить и сообщить другим людям иную человечность, которая рождается в принадлежности к Господу Христу. Поэтому я с глубоким волнением прочитал слова митрополита Филарета, произнесённые им на христианском форуме «Митинг Римини» в августе этого года: «Именно поэтому Личность Господа нашего Иисуса Христа [...] является тем неоспоримым идеалом, тем совершенным критерием, той нетленной красотой, которая — над всеми, во всём и для всех. В Христе Спасителе нет внутреннего разделения»¹.

Это основа и путь настоящего экуменизма, который сможет ответить на проблемы современности. И именно поэтому мы видим в вас своих друзей.

1. Вопрос, не теряющий актуальности

«Можно ли верить, быв цивилизованным, т. е. европейцем? – т. е. верить безусловно в божественность Сына Божия Иисуса Христа?»² Несмотря на все, что произошло с тех времен, на мой взгляд, в вопросе Ф. М. Достоевского выражен основной вызов, перед лицом которого оказывается сегодня христианство. В ответе на этот общий для нас вопрос может родиться истинное братство: не просто сотрудничество в деле решения отдельных проблем, а именно обнаружение нашего единства во Христе, т.е. в конечном итоге возможность победы веры в сегодняшнем мире. В одном из выступлений 1996 г. тогда еще кардинал Йозеф Ратцингер

¹ Митр. Филарет. Может ли современный образованный европейец верить в реальность Иисуса Христа, Сына Божия? (Выступление на «Митинге Римини», август 2010 г.) Опубликовано на итальянском языке в: *Il cuore desidera cose grandi* (Сердце желает величия), a cura di E. Belloni e A. Savorana), BUR Rizzoli, Milano 2010.

² Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в 30-и тт. Т. 11: «Бесы». Глава «У Тихона». Рукописные редакции. Л., «Наука», 1974. С. 178.

отвечал, что вера может надеяться на эту победу, поскольку «обретает соответствие в природе человека. В человеке есть неугасимая тоска по бесконечности»³. Этими словами Й. Ратцингер указывал и на необходимое условие этой победы: для того чтобы христианство могло проявить весь масштаб своего притязания, необходима человечность каждого из нас.

Отец Джуссани принял этот вызов в самом начале своей воспитательной деятельности с молодежью: «С самого первого часа своей работы в школе я говорил: “Я здесь не для того, чтобы вы усвоили те идеи, которые я вам излагаю, а для того, чтобы научить вас методу, который позволит вам вынести суждение о том, что я вам буду рассказывать. То, что я вам буду рассказывать, – это опыт, накопленный в результате длительного пути, истории в две тысячи лет”. Дело воспитания в нашей среде изначально отличалось соблюдением этого метода, что ясно свидетельствует о его цели: показать причастность веры жизненным потребностям»⁴.

Зададимся вопросом: какое же препятствие должна преодолеть вера, чтобы христианство вновь могло проявить своё соответствие потребностям жизни?

2. Кризис человечности

Уже блаженный Августин очертил неискоренимые потребности сердца каждого человека: «*Quia fecisti nos ad te et inquietum est cor nostrum, donec requiescat in te*»⁵ (Ибо Ты создал нас для Себя, и сердце наше беспокоит, пока не успокоится в Тебе). Но желание, составляющее наше сердце, претерпело изменения, и сердце, опустошаемое изнутри, оказывается перед угрозой лишиться своего потенциала. Наблюдая реальность, которым мы призваны жить, мы всё больше убеждаемся в актуальности образа, которым отец Джуссани во второй половине 80-х гг. пророчески описывал состояние современного человека: «Сегодняшние молодые люди словно поражены [...] радиацией Чернобыля: структурно организм остаётся тем же, что и раньше, но в нём протекают совсем другие процессы. [...] Мы остаёмся [...] отстранёнными в отношении с самими собой, без энергии любви: наша энергия улетучиваются, как энергия батареек, которых вместо положенных шести часов хватает только на шесть минут»⁶.

Это наблюдение даёт нам понять, что речь идет не просто о культурном или религиозном кризисе. Перед нами самый настоящий кризис человечности, т.е. исчезновение человеческой способности пользоваться разумом согласно его природе – открытости к полноте реальности, способности жить без отрыва от реальности. Этот кризис человечности подтверждается всеобщей скукой и апатией – и эти чувства не обходят стороной и нас, христиан. Поэтому такой подход, для которого вера – это что-то само собой разумеющееся, оказывается всё менее реалистичным.

Именно в этом контексте христианство призвано проявить свою истинность, т.е. свою способность пробуждать человеческое «я», а значит, и спасать человека. Только опыт пробуждения к жизни, к полноте жизни, неведомой ранее, способен вновь зажечь интерес к христианству. Иначе мы всё чаще будем воспринимать христианство как бесполезное бремя в повседневной жизни, уже и так перегруженной проблемами.

³ J. Ratzinger. *Fede, Verità, Tolleranza* (Вера – Истина – Толерантность). Cantagalli, Siena 2005. С. 143.

⁴ Л. Джуссани. *Рискованное дело воспитания*. М., «Духовная библиотека», 2007. С. 24.

⁵ *Исповедь*, XIII, I 1.

⁶ L. Giussani. *L'io rinasce in un incontro* («Я» возрождается во встрече). Biblioteca Universale Rizzoli, Milano 2010. С. 181.

И всё же, в контексте, который мы определили как кризис человечности, у нас есть надёжный союзник: всем тем трудностям, которые испытывает современный человек, не под силу вырвать у него из сердца надежду на полноту жизни. «Как грандиозна мысль, что, в самом деле, никто нам ничего не должен. Кто-то нам когда-либо что-либо обещал? Так почему же мы ждём?»⁷ – размышлял итальянский писатель Чезаре Павезе. Сама природа сердца даёт нам надеяться против всякой надежды, даже если житейские трудности заставляют сомневаться в самой возможности найти решение. Сегодняшний человек примет всерьёз христианское предложение только приняв его как значимый ответ на свои человеческие потребности. Поэтому вызов, который мы принимаем, проповедуя Христа, состоит в следующем: так переживать содержание веры, чтобы проявлялось её антропологическое значение, т.е. переживать веру как исчерпывающий ответ на основополагающие потребности сердца. Таким образом, мы можем понять всю драматичность вопроса, которым задавался английский писатель Т. С. Элиот: «Это Церковь предала людей или люди предали Церковь?»⁸ Мы вынуждены с горечью признать, что эта израненная человечность зачастую натывается на суженные формы христианского опыта. Я хотел бы назвать две из них, на поверку оказывающиеся наиболее коварными.

1. Уже в середине девятнадцатого века кардинал Джон Генри Ньюман (которого Бенедикт XVI недавно причислил к лику блаженных) описывал одну из этих суженных форм, когда утверждал, что «религия как личностный феномен должна быть реальной; в Англии же она таковой не является, за исключением отдельных немногочисленных случаев. [...] Религия словно не интересуется реальными предметами. [...] Её учение – это не факты, а скорее их стереотипные фрагменты; она словно не решается войти в реальность. [...] Я не хочу сказать, что то согласие, которому она учит и которое она демонстрирует, не является подлинным (в отношении узкого круга вопросов), но оно в лучшем случае носит понятийный характер»⁹. В самом деле, для многих христиан христианство скорее понятийно, чем реально: это доктрина, передаваемая безотносительно к реальной жизни. Можно себе представить, какой интерес будет представлять христианство, сведённое к набору понятий, для конкретного человека, который встречается с драмой повседневной жизни.

Чтобы осознать, насколько широко распространён такой тип христианства, достаточно подумать о том изумлении, которое испытывает каждый из нас, встречая человека, живущего реальностью Христа. Мы удивляемся этому так, словно это происходит впервые! Евангелия оставили нам свидетельство того изумления, которое испытывал народ, встречаясь с Человеком, Который «учил их, как власть имеющий, а не как книжники»¹⁰. Изумление, которое заставляло их утверждать: «Никогда ничего такого мы не видали»¹¹.

2. Второе, не менее распространённое заблуждение, состоит в сведении христианства к этике, к набору ценностей. Речь идёт о древнейшем искушении, в котором уже блаженный Августин упрекал пелагиан: «*Nos est occultum et horrendum virus haeresis vestrae, ut velitis gratiam Christi in exemplo eius esse, non in dono eius*

⁷ G. Pavese. Il mestiere di vivere (Ремесло жить). Einaudi, Torino 1973. С. 276.

⁸ Т. С. Элиот. Камень. Seriate (Bergamo), «Христианская Россия», 1997. С. 138.

⁹ J.H. Newman. Essay in aid of a Grammar of Assent (Эссе в защиту грамматики согласия). Longmans, London & New York 1903, pp.55-57. («[...] religion, as being personal, should be real; but, except within a small range of subjects, it commonly is not real in England. [...] Objects are barely necessary to it. [...] Its doctrines are not so much facts, as stereotyped aspects of facts; and it is afraid, so to say, of walking round them. [...] I am not denying that the assent which it inculcates and elicits is genuine as regards its contracted range of doctrine, but it is at best notional»).

¹⁰ Мк 1, 22.

¹¹ Мк 2, 12.

dicentes»¹² (Вот тайный и ужасный яд вашего заблуждения: вы хотите, чтобы благодать Христова заключалась в Его примере, а не в даре Его Самого). Разница в том, что в прошлом это заблуждение касалось только некоторых; сегодня же, в силу исторических перипетий современности, оно вошло в общий менталитет. Здесь мы можем только отметить некоторые факторы очень сложного явления. После протестантской реформы, приведшей к разрушению религиозного единства в Европе, начали разгораться так называемые религиозные войны. Это привело к мысли о том, что религия уже не является тем общим наследием, которое может быть основанием единства в Европе. Возникла потребность найти новое основание, которое разделялось бы всеми. Поскольку христианство было исключено, единственным объединяющим началом был признан разум – в том виде, как он понимался в эпоху Просвещения. В этом смысле название работы Иммануила Канта «Религия в пределах только разума» (1794) уже само по себе является программным!

Новая религия должна была соблюдать пределы, положенные новым богом: разумом как мерой всех вещей. Представлялось, что такое упрощенческое понимание разума будет достаточным для обустройства жизни этого мира. Историческая личность Иисуса Христа, следовательно, не представляла иного интереса, кроме как воплощенный идеал человека, соответствующий тем представлениям о высокой нравственности, которые известны разуму а priori. Этот идеал и его ценности, предустановленные разумом, составили новую религию, которая с тех пор непрерывно распространялась и пропитала христианство, сузив его до пределов этики, оторвавшейся от своего исторического контекста.

В связи с этим Папа Иоанн Павел I так говорил: «Истинная драма Церкви, которая любит называть себя современной, – это попытка скорректировать изумление от события Христа при помощи правил»¹³. О том, что ситуация с тех пор не очень изменилась, свидетельствует тот факт, что и Бенедикт XVI в начале понтификата признавал, что «наиболее распространённая идея заключается в том, что христиане должны соблюдать несметное количество заповедей, запретов, принципов и т.д., и что, следовательно, христианство является чем-то тяжёлым и гнетущим, и что мы станем свободнее, сбросив с себя эту ношу. Я бы, напротив, хотел сказать, что опираться на великую Любовь и на откровение – это не ноша, это крылья»¹⁴. Если вера перестанет быть личным опытом, рано или поздно она будет восприниматься как что-то тяжёлое и угнетающее.

С этой точки зрения блестяще драматическое утверждение митрополита Филарета: «Осмелюсь предположить, что отсутствие личного примера жизни по вере, скудость личного опыта [...] является не только глубокой личной трагедией христианина, но становится самым разрушительным средством в борьбе ада с земной Церковью»¹⁵.

Как сегодня становится очевидно, упомянутые мной формы узкого понимания христианства в конце концов приводят к отрицанию его значимости. Но, как это ни парадоксально, именно это может привести нас к углублённому осмыслению истинной его природы.

3. Человеческое «я» пробуждается во встрече

¹² Contra secundam Iuliani responsionem imperfectum opus, II 146.

¹³ Цит. по: «Humilitas». N 3, 2001, 10.

¹⁴ Из интервью Радио Ватикана на немецком языке, август 2005 г.

¹⁵ Митр. Филарет. Цит., с. 140.

Если ситуация такова, то какую отправную точку мы можем себе найти? Мне лично очень помогло следующее наблюдение отца Джуссани: «Нельзя сказать, что у нас в дефиците вербальное или культурное выражение вести. Сегодняшний человек (быть может, неосознанно) ожидает встречи с людьми, для которых событие Христа – это событие, привязанное к настоящему настолько, что оно изменяет их жизнь. Человека может потрясти только человеческая встреча – только такое событие, которое явилось бы эхом первоначального события, когда Иисус поднял взгляд и сказал: “Сойди, Закхей, я иду в твой дом”»¹⁶.

«Где человек может вновь отыскать себя, обрести себя? Где я могу обрести себя?» – задаётся вопросом отец Джуссани и, отвечая, указывает метод, благодаря которому любой может вернуться на потерянный путь, в какой бы ситуации или в каком бы душевном состоянии он ни находился: «Человек обретает себя в живой встрече, [...] т.е. в столкновении с кем-то, кто привлекает его, [...] т.е. заставляет его задуматься о том, что его сердце и всё, что его составляет, все потребности, которые его составляют, есть, существует. Этот человек тебе говорит: “То, чем соткано твоё сердце, существует; видишь, например, во мне это существует”. Притягательность и сила вызова, которые мы несём в себе, обусловлены именно этим»¹⁷.

Эта встреча с живым присутствием, пробуждающая сердце человека, составляет только начало захватывающего пути; это не конец пути, не цель – это только начало истории, которой суждено охватить всю реальность: «Встреча как таковая не “порождает” человека (порождает человека Бог, дающий ему жизнь через посредство отца и матери); но именно во встрече я замечаю себя самого, пробуждается “я”, или “человек”. [...] Человеческое “я” словно вырывается из заточения в его собственной скорлупе, поднимается из могилы, встаёт из гроба, из своей первоначальной закрытости – и словно “воскресает”. [...] Человек словно рождается; да, он рождается не в этот миг, и всё же во встрече он осознаёт себя и поэтому рождается как личность»¹⁸.

Христианство будет снова и снова привлекать и притягивать людей, только если происходит что-то непредвиденное, что приносит новизну в жизнь и даёт крылья – чтобы жить. Об этом писал Бенедикт XVI в своей первой энциклике *Deus caritas est* («Бог есть любовь»): «У истоков христианского бытия лежит не какое-то этическое решение, либо великая идея, – скорее это встреча с неким событием, с Личностью, которая, открывая жизни новый горизонт, тем самым указывает ей решающее направление»¹⁹. Это именно то, что передали нам Евангелия в качестве рассказа об истоках христианства: исключительная встреча с личностью Иисуса.

4. Природа христианства

Это говорит нам о том, что природа христианства – это событие. «Именно через событие в нашу жизнь входит что-то новое: непредвиденное, ранее невысказанное, [...] и при этом – точное, видимое, конкретное, осязаемое, уловимое в момент свершения. [...] И это непредвиденное случилось. Бог, судьба, тайна – Он стал событием нашего повседневного существования. Это и есть христианство. И именно в таком событии проясняется наше “я”. Именно это событие заставляет нас в полноте понять и почувствовать, что такое наше я, – и вдруг мы чувствуем себя дома, в своей обители, и видим всё на своих местах, и наслаждаемся этим. Подобное

¹⁶ L. Giussani. *L'avvenimento cristiano* (Христианское событие). Biblioteca Universale Rizzoli, Milano 2003. С. 23-24.

¹⁷ L. Giussani. *L'io rinasce in un incontro* («Я» возрождается во встрече). Цит., с. 182.

¹⁸ Там же, с. 206-207.

¹⁹ Бенедикт XVI. *Deus caritas est*, 1.

событие было совершенно невозможно предвидеть. Но всё человечество до Христа ожидало этого события. [...] Все ожидали “чего-то”. Бог, судьба, тайна, исток всего сущего – Он обрёл человеческий лик. Реальная новизна, истинная новизна, чтобы быть человеческой, соответствующей и подходящей сердцу, должна стать лицом, ликом или – говоря по-другому – словом. [...] В начале Евангелия от Иоанна говорится: “Слово стало плотью”. Лик нового человека: таким Бог явился в мир»²⁰.

Кьеркегор блистательно очертил истинный вызов, стоящий перед христианством, понимаемом согласно своей природе события: «В отношении к Абсолюту существует лишь одно время: настоящее; кто не современен Абсолюту, для того Абсолют и не существует вовсе. А так как Христос — Абсолют, то нетрудно увидеть, что по отношению к Нему остается занять лишь одно положение — положение Его современника»²¹.

Каким образом событие Христа продолжается в истории и остается современным? Вот ответ, который даёт Иоанн Павел II: «Постоянное присутствие Христа рядом с человеком каждой эпохи осуществляется в Его Теле, которым является Церковь»²². Христос пребывает в Своей Церкви и тем самым даёт возможность людям различных эпох войти в непосредственное отношение с Ним таинственным методом – тем самым, каким Он Сам воспользовался две тысячи лет назад, чтобы открыть Себя. Только так христианство – на Западе и на Востоке – может ответить на стоящий перед ним вызов. В самом деле, «отличительной чертой православно-католического подхода является верность христианскому событию в том виде, в каком оно явилось в истории». Отец Джуссани называет такой подход «православно-католическим», будучи убеждён, что «как православие, так и католицизм живут одинаковыми представлениями по данному вопросу. Этот подход вобрал в себя всю христианскую традицию»²³.

Современность Христа в любой момент времени делает возможной проверку содержания Предания: в опыте проявляются причины, которые объясняют разумность следования за Христом сегодня. Эта проверка не нуждается в особых качествах человека; при этом также не должно забываться ничто из того, что присуще нашей человечности. Достаточно приблизиться к Нему в том состоянии, в котором мы находимся, ничего не оставляя в стороне. Так мы сможем обнаружить, Кем является Христос, благодаря тому, что Он может раскрыть тайну человеческого «я», вознося человека на недостижимую для того высоту. «Человек, который хочет понять себя до конца, – не только исходя из непосредственных, частичных, чисто поверхностных и кажущихся данных и критериев собственного существа, – должен, со всеми своими тревогами и сомнениями, своей слабостью и греховностью, своей жизнью и смертью, приблизиться ко Христу. Он должен, так сказать, войти в Него всем своим существом, должен как бы “присвоить” себе, ассимилировать всю реальность Воплощения и Искупления – чтобы обрести самого себя. Когда в человеке завершается этот глубокий процесс, плод его – не только почитание Бога, но и глубочайшее удивление перед самим собою»²⁴. Евангелие – это в конечном итоге глубочайшее удивление перед самим собой. Тот, кто достигает такого опыта, узнаёт себя в словах, приписываемых римскому ритору Марию Викторину: «Когда я встретил Христа, я открыл в себе человека». Он узнает себя и в словах старца Иоанна из рассказа, родившегося в русской традиции: старец Иоанн отвечает императору, допытывающемуся у него, что дороже всего для христиан: «Всего

²⁰ L. Giussani. L'avvenimento cristiano (Христианское событие). Цит., с. 14-15.

²¹ С. Кьеркегор. Введение в христианство // Современный протестантизм. М., 1973. С. 3-46.

²² Иоанн Павел II. Veritatis Splendor, 25.

²³ Л. Джуссани. Зачем Церковь. 3-я книга «Пути». М., Христианская Россия, 2004. С. 25-26.

²⁴ Иоанн Павел II. Redemptor Hominis, 10.

дороже для нас в христианстве сам Христос, – Он Сам, а от Него всё, ибо мы знаем, что в Нем обитает вся полнота Божества телесно»²⁵.

Человек, возрождённый таким образом, становится свидетелем своему Господу. Свидетелем, ибо для того, чтобы объяснить эту человечность, этот полный нежности взгляд, эту способность объять всё, эту полноту жизни, необходимо признать Иного. Это подобно тому, как в сияющем радостью лице человека мы видим отражение лица его возлюбленной. Это сияние, эту полноту, этот трепет мы не можем дать себе сами. Иной взгляд формирует наш взгляд. Поэтому, когда мы ощущаем, что кто-то смотрит на нас таким образом, Сам Христос достигает нас. И в этот момент мы тоже можем сказать: «Никогда ничего такого я не видел, никто никогда не смотрел на меня так». Поэтому Бенедикт XVI ничуть не преувеличивает, когда напоминает нам, что «и в дальнейшей истории Церкви Господь также не отсутствовал: вновь и вновь Он идёт нам навстречу, – через людей, в которых Он являет Себя; Он идёт нам навстречу через Своё Слово, в Таинствах, особенно в Евхаристии»²⁶. Сила Таинства такова, что, когда оно встречает человека, простого сердцем, человека, который не противостоит его действительности, который целиком доверяется его преобразующему действию, рождается «новая тварь»²⁷: «Встреча с Господом производит глубокое изменение в тех, кто не закрывается перед Ним. Первый порыв, который рождается от такого изменения, – порыв передать другим людям богатство, открытое в этой встрече. Речь идет не только о том, чтобы научить тому, что узнали мы сами, но и о том, чтобы позволить другим лично встретить Иисуса Христа, как это сделала самарянка: “Пойдите, посмотрите”²⁸ (Ин 4, 29)».

Отец Джуссани говорит: «Событие Христа происходит сейчас в явлении иной человечности; человек встречается с иной человечностью и обретает новое ощущение жизни [...]. Встреча человека с иной человечностью – это что-то наипростейшее, совершенно элементарное, что предшествует всему – какому бы то ни было учению, размышлению или логическому анализу: иная человечность не нуждается в объяснениях, её нужно только увидеть, заметить – и от этого рождается изумление, рождается движение души, и рождается призыв, призыв следовать в силу соответствия увиденного ожиданиям, составляющим сердце»²⁹.

Без современности присутствия Христа в явлении иной человечности была бы невозможна христианская вера. Его современность сегодня – это факт иной человечности, которая проявляется в свидетельстве многих людей; это факт, бросающий вызов нашему разуму и нашей свободе.

Встреча с людьми, которые поражают нас своей способностью к приятию, к объятию другого, несравненной полнотой жизни, неустанной инициативы, никого не оставляет равнодушным. Красота человечности, в самом деле, пробуждает человеческое «я» во всей его полноте. Византийский теолог Николай Кавасила (его однажды упоминал на «Митинге Римини» тогда еще кардинал Ратцингер) так описывал этот тип людей: «Это люди, в которых живёт желание, превышающее их природу; они ищут и желают большего, нежели то, на что надеяться созвучно человеку; они поражены Самим Женихом: Он Сам послал пред их очами горящий луч Своего сияния. Глубина раны свидетельствует о том, каким оружием она была нанесена, а широта желания даёт понять, Кто Сей, пустивший эту стрелу»³⁰.

²⁵ В. Соловьев. Повесть об Антихристе.

²⁶ Бенедикт XVI. *Deus caritas est*, 17.

²⁷ Гал 6, 15.

²⁸ Иоанн Павел II. *Ecclesia in America*, 68.

²⁹ L. Giussani. *Qualcosa che viene prima* (То, что всему предшествует). In: «*Tracce Litterae Communionis*», (2008), n. 10, pp. 1-6.

³⁰ Телеграмма кардинала Й. Ратцингера по случаю «Митинга Римини», 2002.

СВЯЩ. ХУЛИАН КАРРОН: Христианство перед лицом вызовов современности

Сила желания, вызванного Им в нас, позволяет ощутить, Кто Сей, пробуждающий человечность от апатии и равнодушия. Встреча с сиянием Христа в лице другого человека может стать той самой стрелой, которая, раня душу, позволяет нам открыть глаза и признать Его.